

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТА В ПОСТМАРКСИЗМЕ

Екатерина Игнатович

Начать разговор о месте субъекта в постмарксизме можно с двух основных положений марксистской теории, сразу дающих понять, что в этом теоретическом поле речь никогда не шла о субъекте как об автономном, прозрачном для самого себя, невовлеченном сознании, как о *cogito* классической европейской философии. Во-первых, индивидуальный субъект никогда не выступал здесь как активная действующая сила: речь всегда шла о коллективном субъекте (классе); и во-вторых, марксистская интенция состояла в том, чтобы представить действия людей как детерминированные, всегда обусловленные другим полем — теми производственными отношениями, в которые они вступают для воспроизводства своей жизни, т. е. экономическим базисом.

Существенная трансформация этих исходных установок под влиянием психоанализа и структурализма открывает в постмарксизме перспективу переосмысления субъективности с учетом изменений современного социального поля, так что можно говорить о разработке новой политической онтологии субъекта. В рамках этой модели субъект радикально децентрирован и десубстанциализирован и представляется как подвижная точка, формирующаяся в социальном поле и своим движением оказывающая влияние на реформирование этого поля.

В статье я остановлюсь только на одном варианте постмарксизма, представленном идеями Эрнесто Лакло. Этот автор активно переосмысливает марксистское наследие, сочленяя его с методологией психоанализа, структурализма и семиотики. Свой взгляд на формирование субъективности сегодня Лакло формулирует в рамках дискурса так называемой «радикальной демократии». Для того чтобы прояснить этот термин, обратимся к исходным положениям постмарксистского теоретика.

Что касается детерминированности социальных агентов независимыми от их воли структурами, то, как известно, классический марксизм постулировал, что закономерности, согласно которым свершается ход исторического развития, непосредственно связаны с материальным базисом общества и выходят за рамки человеческого сознания. Считалось, что субъект *postfactum*, на уровне надстройки — культуры, искусства, религии, идеологии, — осмысливает уже произошедшие радикальные изменения в его жизни. В результате последующих трансформаций марксизма детерминистическая модель была подтверждена с помощью методов психоанализа и структурализма, но при этом она была переведена из экономического плана в план надстройки, или иде-

ологии. Ведь именно идеология заставляет людей думать, что условия, заданные господствующей структурой их социальному существованию, являются теми общественными отношениями, которые люди выбрали сами и которыми они якобы могут управлять.

Неомарксизм, а затем и постмарксизм, опираясь на психоаналитический и структуралистский дискурсы, описывали экономический детерминизм как обусловленность нашего сознания другой сценой — экономическим бессознательным (т. е. определенной инстанцией или структурой со своими правилами и закономерностями функционирования, превосходящими нашу логику). В рамках такого подхода роль субъекта вообще сводилась к только лишь эффекту структуры. Как психоанализ, так и структурализм декларировали смерть *cogito*, самодостаточного автономного субъекта классической философии.

Признание в структурализме историчного характера бытия вещей, принадлежащих социальному порядку, т. е. отказ от веры в то, что значения вещей являются раз и навсегда данными, а также признание относительного, зависящего от социального контекста характера всякой социальной идентичности стало определяющим моментом в толковании общественных структур и процессов в терминах языковых правил и практик. Дискурс — это и есть общественная структура, описанная языковыми терминами, но дополненная одним существенным для всех социальных отношений моментом — измерением власти.

В *Археологии знания* Фуко дает следующее определение дискурса: «Дискурс (ансамбль дифференцированных позиций) — это совокупность высказываний, порожденных и трансформирующихся согласно определенным правилам. В дискурсе некоторым образом распределенные высказывания производят связку “история—знание” и становятся всеохватывающей мыслительной системой»¹. Оформление высказываний происходит в ситуации *undecidability* (множественности альтернатив, богатства выбора). Поэтому процесс порождения и рецепции знания сопровождается операциями исключения, отбрасывания одних вариантов развития в пользу других и производством новых полей знания. Вслед за Фуко, Лакло также обращается к этим исходным операциям исключения, определяя их как измерение власти. То есть первое властное решение выбора создает социальную систему, равно как и идентичность. Эту же идею мы находим и у Деррида: любая идентичность базируется на исключении и установлении жесткой иерархии между двумя полюсами, один из которых автоматически становится подчиненным (мужчина—женщина, белый—черный). Этот выбор всегда является политическим решением, которое также проявляется и впоследствии как стирание истока — седиментация, как представление существующего положения вещей в качестве объективного. Итак, операции исключения и седиментации направлены на производство социального порядка и закрепленных в нем идентичностей. Тот момент, когда становится видимой изначальная неразрешимая природа альтернативного выбора, которая скрывается посредством властных отношений, Лакло называет реактивацией. Реактивация происходит там, где работает антагонизм, делая видимыми операции исключения по созданию объективности социальной системы и пред-

ставления существующего положения вещей (социальный порядок как седиментированная форма) как данного. Антагонизм, конфликт возникают в тот момент, когда система начинает подвергаться дислокациям, «несработкам». Таким образом, согласно Лакло, общество как завершенная целостная структура возможно только в той мере, в какой удастся скрывать систему исключений, на которой оно основано. А идентичность социальных агентов в той же степени основана на первоначальном отрицании возможностей выбора и последующем сокрытии операций властного характера по производству субъективности.

В работах Альтюссера уже был дан ход аналитической работе по вскрытию детерминирующих, формирующих социальную идентичность факторов на уровне идеологии. Он демонстрирует, как происходит формирование субъективности средствами государственных идеологических аппаратов (ISA) — на уровне школы, армии, церкви, медицинских и образовательных учреждений — и как действие всех этих аппаратов завязывается в единое дискурсивное пространство. Основной механизм здесь — интерпелляция: «идеология действует таким образом, что рекрутирует из массы индивидов субъектов. Моделью здесь служит совершенно определенный процесс, который я назвал интерпелляцией и который можно представить по примеру самого простого и обыденного оклика, который можно услышать от полицейского: “Эй вы, там!”»². Мгновенная реакция обернуться — и вот вы уже идентифицируете себя не как личность с набором каких-то свойств, хобби, привычек, а как законопослушного гражданина, вписанного в символическую матрицу государственной машины. Этот механизм более всего похож на процесс артикуляции в языке, когда поток речи членится на смысловые единицы, должным образом организованные и связанные между собой согласно преданным правилам. Также и масса индивидов членится стратегией интерпелляции. (Строго говоря, в современном обществе мы никогда не имеем дела с такой неорганизованной массой, разве что когда полиция, в самом деле, вынуждена справляться с массовыми выступлениями, ведь первая интерпелляция, первое включение в дискурс господствующей идеологии совершается уже в школе и даже в семье.) В рамках этого дискурсивного пространства элементы общественной структуры интерпретируются в качестве означающих — элементов языка, главная функция которых состоит в том, чтобы занимать свое место в структуре и таким образом обеспечивать бесперебойный ход ее работы. Место в структуре эти элементы занимают посредством операции артикуляции.

Каждый элемент дискурса ценен не в силу неких внутренних, присущих ему как своеобразной, индивидуальной единице качеств, а благодаря тому, что занимает некое место в системе и является тем, чем не являются другие элементы. Здесь нельзя даже провести параллель с винтиком в работающем агрегате (поскольку винтик — это уже нечто субстанциональное, характеризующееся своей функцией в этом месте), речь идет именно об эффекте отношений системы. Системный дискурсивный элемент задается скрещением, артикуляцией этих отношений и существует подобно радуге или магнитному полю, или метафоре. То есть артикуляцией можно назвать любой процесс (языковой или вне-

языковой природы), в рамках которого устанавливается взаимоотношение между различными элементами таким образом, что значение, которое они имели до этого, или идентичность этих элементов изменяются.

В той же мере сконструированным оказывается и субъект в рамках идеологического дискурса. Лакло, в духе позиции Альтюссера, говорит об интерпелляционных структурах, задающих позицию субъекта в обществе. К примеру, формирование классового сознания пролетариата осуществляется не только на экономической сцене, но и в результате политической интерпелляции посредством партии, культурной интерпелляции посредством спортивного или молодежного движения, эстетической интерпелляции посредством специфических символов и ритуалов, семейной и школьной интерпелляции — через привитие прилежания, трудолюбия, послушания, ориентации на профессиональный рост и т. д. При этом в связке этих интерпелляций нередко присутствуют элементы совершенно других интерпелляционных систем, такие как ценности протестантского этоса трудолюбия или повстанческих движений, не привязанных к классовой дихотомии. Поэтому в отношении субъективности, выступающей как точка перекрещивания разнонаправленно действующих сил интерпелляции, можно говорить об артикуляции этих самых сил. Именно их артикуляция, сочетание в самых различных комбинациях, позволяет образовать относительно гомогенный идеологический дискурс, создать видимость его завершенности. При этом, подчеркивает Лакло, «под единством дискурса вовсе не следует понимать логическую связность — напротив, идеологическое единство дискурса дополняется его логической непоследовательностью — речь идет о способности каждого отдельного элемента интерпелляции (политической или семейной) образовывать своего рода сгущения с элементами других интерпелляций (социальной, эстетической). Когда каждая отдельная интерпелляция выступает как символ другой, тогда мы имеем дело с относительно гомогенным идеологическим дискурсом»³. Здесь терминология Лакло в отношении логики дискурса практически совпадает с той, которая принята в психоанализе. В *Толковании сновидений* Фрейд различает логику работы бессознательного в точках сгущений и линиях смещений значений вытесненных понятий, посредством которых и сплетается дискурсивная цепочка сновидения или речь психотика.

Сходство дискурса со структурой бессознательного имеет несколько важных последствий. Такая плавающая внутренняя структура, естественно, не может обеспечить и четких границ. Дискурс не является завершенным, четко зафиксированным целым. Контингентность, случайность превращения элементов в моменты в каком-то определенном соотношении являются определяющими характеристиками дискурса. Эта трансформация никогда не является завершенной и подлежит постоянным реартикуляциям. В свою очередь, открытость дискурса обусловлена тем, что сам дискурс является лишь временным и преходящим образованием в текучести дискурсивного поля, которое и оказывается источником постоянной реартикуляции. Это поле точнее было бы назвать флексибельной границей, проходящей вне и внутри дискурса, или антагонизмом, в терминах Лакло.

Высказывание другого известного психоаналитика Лакана: «Я не есть там, где я мыслю, и я не мыслю там, где я есть»⁴ — также является вполне адекватным отражением позиции субъекта в постмарксизме, где подчеркивается невозможность гомогенного, непротиворечивого, *четко зафиксированного* субъективного ядра, а раз нет такой сущности, то она и не может быть однозначно детерминирована какой бы то ни было структурой. Другими словами, рассматривая субъекта по-прежнему как эффект структуры, Лакло отказывается от идеи его однозначной заданности, детерминированности структурным уровнем. Он не приемлет эссенциализм ни в отношении субъектов — социальных агентов, ни в отношении структур, тем или иным образом их определяющих. Конечно, если мы определяем систему как бесконечную игру различий или как постоянный процесс переартикуляции, то не может быть и речи о том, чтобы определять порядок, или структуру, как основополагающую сущность социального, как это делали структуралисты, а вслед за ними и Альтюссер, с целью превратить социальную систему в опознаваемый и постижимый объект научного исследования.

При всем своем антиэссенциализме Лакло все же утверждает, что существуют точки фиксации, регулирующие общественные процессы; с другой же стороны он говорит о том, что эти структуры вовсе не имеют обязательного характера и не неизменны, а скорее представляют собой попытку охватить социальное, установить гегемонию над ним (в терминах теории гегемонии Грамши). Этот переход к относительной фиксации социального возможен через институт узловых точек, т. е. через придание определенным моментам дискурса приоритетного значения по сравнению с другими, в результате чего они оказываются способны доминировать.

Гегемониальная система дискурса непосредственно связана с антагонистической борьбой за придание определенным значениям главенствующей роли. Опасность скатывания в бездну полного релятивизма и отсутствия всякой субъектной позиции может быть сдержана посредством установления не фиксированного центра, а постоянно смещающегося, через множество точек сгущений, скрепляющих дискурс и поддерживающих его относительное единство.

Именно таким образом Лакло пытается описать ситуацию современного общества, где усложненная общественная структура и более многослойное и всепроникающее культурное поле провоцируют образование множества политико-общественных объединений, отстаивающих те или иные частные права. Каждое из этих течений обладает маленькой долей власти (ср. у Фуко: полицентрическое дискурсивное отношение властных отношений), способностью апеллировать, интерпеллировать к потенциальным членам и конституировать таким образом место субъективной позиции. Все они претендуют на признание значимости своих дискурсов и в силу этого находятся в отношениях гегемонии между собой, т. е. не связаны необходимым образом, но проартикулированы и потому задают нежесткий дискурсивный каркас общественного поля. В такой установке можно прочесть ответ на пессимистичные утверждения о полной релятивизации современного плюралистического

дискурса демократического общества, где любое общественное течение, любая концепция или идея могут претендовать на истину в силу обладания равными правами притязать на значимость. Свободная, случайная артикуляция неиерархически переплетенных дискурсов (интерпелляций) является базисом для недогматической политики гегемонии. Связность дискурса достигается не за счет деятельности трансцендентального субъекта, не за счет идентичности референта-объекта или пред-, задискурсивного тематического поля, а в результате определенных закономерностей в артикуляции дифференциальных позиций — общественных течений либо концепций. Именно борьба этих течений, а не их голое наличие, и обеспечивает достижение истинной цели демократии — отказа от любого универсального подчиняющего дискурса. Поэтому Лакло называет свой проект «радикальной демократией», распространением политических интенций борьбы за власть на множество областей социальной жизни, которые, как считалось прежде, ничего общего с политикой не имели.

Итак, вместо прежнего эссенциалистского представления о едином центре, скрепляющем как социальную систему, так и субъекта, приходит представление о децентрированной структуре, обладающей не одним фиксированным или многими стабильными центрами, а одним постоянно смещающимся центром, который фиксируется в узловых точках. Это смещение происходит в силу воздействия антагонистических сил — дислокаций структуры, которые являются одновременно условиями возможности и невозможности центра.

Возвращаясь к роли субъекта в децентрированной системе, отметим, что Лакло проводит различие между субъективной позицией и моментом субъекта.⁵

1. Субъективная позиция — это и есть эффект структуры, полностью детерминированный субъект в рамках закрытой социальной структуры согласно структуралистскому представлению. Это структура, которая не признает наличия конститутивного внешнего поля и момента субъекта, изменяющего саму структуру.

2. Момент субъекта — это момент решения, когда изначальная контингентная и неразрешимая ситуация получает толчок в каком-то одном направлении развития. Субъект, идентифицируя себя с определенным содержанием, решает в пользу одной альтернативы развития, тем самым завязывается узловая точка, временный центр, в акте идентификации / решения. Но как только этот момент уже случился, идентификация седиментируется к субъективной позиции. А поскольку дискурс открыт, то его конститутивное внешнее постоянно сталкивается с новыми неразрешимостями, которые и провоцируют решение субъекта, его активность. Здесь не действуют готовые решения и структуры ожидания, речь идет о событии радикального вторжения, событии, выводящем на поверхность потенциальную активность социального субъекта. Именно этот момент принятия решения и составляет, по мнению Лакло, предпосылки для того, чтобы в поле социальных идентичностей, заданных и сформированных властными отношениями, конституировать место субъекта как активной действующей силы.

Примечания

- ¹ Фуко М. *Археология знания*. Киев, 1996. С. 117.
- ² Althusser L. *Ideology and Ideological State Apparatuses*. In: Žižek S. ed. *Mapping Ideology*. London, Verso, 1994. P. 130–131.
- ³ Laclau E. and Mouffe C. *Hegemonie und Radikale Demokratie. Zur Dekonstruktion des Marxismus*. Wien, 1998.
- ⁴ Лакан Ж. *Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа*. М., 1999. С. 22.
- ⁵ Laclau E. and Mouffe C. *Op. cit.*